

18+

Павел Алешин

Лудовико Ариосто

Лирика

Павел Алешин

Лудовико Ариосто. Лирика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23984417

ISBN 9785448512674

Аннотация

Лудовико Ариосто (1474—1533), один из величайших поэтов эпохи Возрождения, известен в России, в первую очередь, благодаря эпической поэме «Неистовый Орландо» (в русском переводе – «Неистовый Роланд»). Но он был также замечательным лириком. Вниманию читателей впервые предлагается перевод всех его сонетов и мадригалов, а также одной канцоны и двух капитоло.

Содержание

Предисловие	6
Сонеты	9
I	9
II	10
III	11
IV	12
V	13
VI	14
VII	15
VIII	16
IX	17
X	18
XI	19
XII	20
XIII	21
XIV	22
XV	23
XVI	24
XVII	25
XVIII	26
XIX	27
XX	28
XXI	29

XXII	30
XXIII	31
XXIV	32
XXV	33
XXVI	34
XXVII	35
XXVIII	36
XXIX	37
XXX	38
XXXI	39
XXXII	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лудовико Ариосто

Лирика

Павел Алешин

Иллюстратор Елена Алешина

© Павел Алешин, 2017

© Елена Алешина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-1267-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Лудовико Ариосто (1474—1533), один из величайших поэтов эпохи Возрождения, известный в России, в первую очередь, благодаря эпической поэме «Неистовый Орландо» (в русском переводе – «Неистовый Роланд»¹), был также и замечательным лириком. Вниманию читателей предлагается перевод всех его сонетов и мадригалов, а также одной канцона и двух капитоло.

Главная тема лирики Ариосто – любовь². «Доминирует любовная тема, причем, не только в тех поэтических поджанрах, которые её по традиции обслуживают, таких, как канцона или сонет – любви посвящены в основном даже многочисленные ариостовские капитоло, что уже идёт вразрез с традицией, ибо эта стихотворная форма соотносилась, как правило, с нарративным или дидактическим содержанием. Дидактизма и тем более морализации в ариостовой лирике нет, но нарративность даёт о себе знать – и в содержании (причем, не только в капитоло), и в интонации. Любовь побуждает поэта не заглядывать в себя, а оглядываться вокруг: ему лучше, чем восходящей к Петрарке традиции,

¹ *Ариосто Л.* Неистовый Роланд. В 2 т. Пер. М.Л.Гаспарова. М.: Наука, 1993.

² Исключением в нашей подборке стихотворений Ариосто являются три «хвостатых» сонета (XXXVIII, XXXIX, XL), а также сонеты XXXVI, XXXVII, XLI. О них подробнее см. в примечаниях.

видна и возлюбленная, и вообще окружающий мир... Мир становится определенно богаче и многоцветнее; он включает в себя если не элементы быта, то элементы обыденности, которые, разумеется, преобразуются в свете поэзии, но не полностью забывают о своём происхождении. И сама любовь, оставаясь чудом, не создаёт для себя особого пространства, не знакомого с пространством повседневной жизни и повседневных отношений. В ней больше телесности, чем в итальянской лирической классике, и в ней больше радости: Ариосто, конечно, знает о её тревогах и скорбях, но ему куда ближе понимание любви как счастья, счастья возможного и близкого...»³. Поэт не разделяет и не противопоставляет Любовь Небесную и Любовь Земную (что характерно для философии ренессансного неоплатонизма), и в этом ощущении божественности земного, одухотворённости телесного его поэзия близка венецианской живописи.

В отличие от Данте и Петрарки, чьи чувства к Беатриче и Лауре соответственно были неразделёнными, Ариосто был счастлив в любви: он полюбил флорентийку Алессандру Бенуччи, и та, хотя и не сразу, ответила ему взаимностью. Безусловно, и у них были трудности. Когда поэт признался Алессандре в любви во Флоренции в 1513 году (об этом говорится подробно в I канцоне), она была замужем, но и после смерти в 1515 году её мужа, купца Тито ди Леонардо Ст-

³ Андреев М. Л. Ариосто // История литературы Италии. М., 2010. Т. 2. Кн. 2. С. 83—84.

роцци, в силу разных причин они скрывали свои отношения и даже брак их, заключенный в 1527 году, был тайным. Тем не менее, их любовь была взаимной⁴, и именно ею вдохновлена большая часть представленных в этой книге стихотворений, отражающих как радостные, так и печальные моменты в жизни поэта и его возлюбленной.

⁴ Вместе они были до самой смерти Ариосто.

Сонеты

I

Зачем, Фортуна, дар, любовью данный,
отнять коварно хочешь ты – булатом,
слоновой костью, жемчугом и златом
оспорить то, что каждому желанно?
Преграды мне ты ставишь беспрестанно,
беда – в нужде, любви враге заклётом;
в саду, где яблоки сияют златом,
и то не столь охрана постоянна.
Амур мне указал дорогу к счастью,
но много стражников у наслажденья,
взаимною пылающего страстью.
Виню его! Да – в сердце осужденье!
О, почему не обладает властью
Амур в своём же собственном владенье?

II

Обмен, увы, не равен! За свиданье
минутное – печальная разлука,
за счастья миг – томительная скука,
за взгляд короткий – долгое страданье.
Несправедлив Амур. Огонь желанья
во мне зажѐг он, и стрелой из лука
пронзил мне сердце; мне лишь – эта мука:
вам не грозит огня того пыланье.
Я думал: нам обоим эти сети
Амур расставил, но один в плену я,
а вам уйти позволил он свободной.
Лишился он добычи благородной
и показал, как неразумны дети:
мальчишка он, стреляющий вслепую.

III

О, гавань верная, приют надёжный,
где две звезды, прекраснейшие в мире,
меня укрыли, мощь утихомира
стихий, лучи струя на путь мой сложный.
Прощаю морю каждый миг тревожный:
без бурь, объемлющих морские шири,
не мог бы ныне я вкушать на пире
усладу, что казалась невозможной.
О, милый кров, о, комната родная,
во тьме твоей и сладостной, и нежной,
светлее дня намного ночь благая.
Обиды терпкость, гордый гнев мятежный
забудь же, сердце! Всё превозмогая,
любовь их возместит тебе прилежно.

IV

Когда отцу подобны всем – когтями
и оперением, и клювом тоже —
орлята, но с ним в зоркости не схожи,
орёл не признаёт их сыновьями.
И потому не видит он очами
иных достоинств их, и то – негоже.
Пример не для влюблённых сей: быть строже
в любви зачем – гоняться за мечтами?
Пусть не богиня та, что так любима,
пускай когда-то о другом мечтала
она любимом; это – не преграда.
Так не ищите же, прошу, не надо,
различий вы меж нами: их так мало!
В любви мы будем непоколебимы.

V

О, счастлива звезда – та, под которой
родилось солнце, в чьём горю огне я;
и счастливы холмы – те, что, яснея,
лучей его вобрали пламень скорый;
та счастлива, что избрана опорой
ему, с рождения его лелея.

И лишь оно становится светлее,
вокруг всё полнится отрадой спорой.

И счастлива земля его родная;
благословеньем высшим осиянна,
она прекрасней Индии и рая.

Но благом одарён тот несказанно,
кто этим солнцем жив, в огне пылая:
в том пламени и смерть ему желанна.

VI

О, дева, красоту не без причины
свою отдали вашим одеяньям
и лилия, и амарант, сияньем
своим что столь чисты и благочинны.
Как белизною лилия, невинны
душой вы, каждым сердца излиняем;
а амарант хвалу благодаяньям
являет вашим, в верности единый.
Как сей цветок, что даже и немою
порою зимнею, лишённый влаги
и солнечных лучей, цветёт, чудесный,
так облик ваш божественный, небесный,
фортуне не подвластен, и, всеблагий,
он неизменен летом и зимою.

VII

Прелестно древа одного цветенье:
всегда зелёное, благоухает
сильней, чем мирт и ель, и распускает
у вод прозрачных ветви для плетенья.
И имя той имеет, чьи веленья
душа моя законами считает.
И пусть меня Цирцея соблазняет —
не откажусь от своего стремленья.
И если чувство, что владеет мною,
и милосердная ко мне планета
величия ведут меня стезёю,
пусть коронует голову поэта,
ни лавром Феб, ни Вакх своей лозою,
но та, чьё имя носит древо это.

VIII

Не может сердце биться хладнокровно,
полёт желанной мысли веет страхом,
и восково-льняные крылья прахом
в огне предстанут, тлеющем неровно.
И сердце, вслед желанью, их любовно
расправит, ввысь взлетит единым взмахом,
но всё закончится, я знаю, крахом:
в том будет слабость разума виновна.
Боюсь, что сердце в жажде озаренья
достигнет высоты такой опасной,
что упадёт, лишившись оперенья.
И будут слёзы все мои напрасны:
увы! такое страстное горенье
и воды моря потушить не властны.

IX

Как сети – волосы златые эти:
в них спутались мои все ожидания;
опасней, чем стрелою попаданье
взор этих глаз, прекраснейших на свете.
Я ранен ими и пленён, в ответе
они за сердца моего рыданья,
но, несмотря на все мои страданья,
люблю я ту, попался в чьи я сети.
Моей тоски и гибели благая
причина столь нежна, что я ликую
в своей тоске, о гибели мечтая;
случайным взглядом радость мне такую
она дарует, пусть о том не зная,
что с наслаждением и смерть приму я.

Х

Смогу ль воспеть достойно и свободно
всю неземную вашу красоту я?

О волосах одних лишь запою я —
сплетается язык бесповоротно:
высокие все стили непригодны,
что латиняне с греками, ревнуя
о красоте, её живописуя,
придумали, чтоб славить благородно
сиянье их золотое, волновое,
меня что вдохновляет неустанно
во славу их на пеньях роковых.

Как Гесиоду, лавр нанес мне раны!

Я буду петь, и будет песнь живою,
пока не упаду я бездыханно.

XI

Хоть сердца моего смертельны раны,
что нанесли вы, я не сожалею
о том, ведь всё, что милостью своею
даёте вы, – мне всё желанно.
Не признавать страданья было б странно,
забыть о боли, жить спокойно с нею,
но открывать ключом я не умею
тайник моей печали неустанной.
Сказав о ней, я сам не буду верить
себе, но если и моё томленье,
и пламя, что в груди мне не умерить, —
не доказательство, в чём – исцеленье?
Нет, поздно! Только смерть удостоверить
сумеет вам любви моей стремленье.

XII

Не здесь ли, улыбаясь и играя,
Амур опутал сердце мне сетями?
А тот же ль я, и теми же ль мечтами
живу, как прежде им себя вверяя?
Да, точно, здесь тот уголочек рая,
где забывался счастьем я часами,
где грудь, окованная холодами,
зажглась моя, огнём любви сгорая.
Но тот я, кто обманут был когда-то,
и за надеждою, Амур, твою,
боюсь идти, исполненный сомнений,
ведь знаю: чувством сердце чьё объято,
не должен тот испытывать волнений.
Я ж ныне трепещу и леденею.

XIII

Меня в темнице сладостной и нежной
не из обиды и ожесточенья
моя врагиня держит в заточенье,
но из любви и милости безбрежной.
В иной тюрьме страданье – неизбежно,
но счастлив я: не боль, а облегченье
от боли, жизнь, не долгие мученья
душой я ожидаю безмятежной,
но радостные встречи, сладострастье
объятий долгих, жар ночных признаний,
улыбки, ласки, игры, смех любимой,
но сердцем всем желаемое счастье
и тысячи и тысячи лобзаний —
любви взаимной дар неисчислимый.

XIV

Когда я нежный взгляд узрел впервые,
и губ пурпурных сладостные розы,
и кудри, вьющиеся, словно лозы,
 пленительные, светло-золотые,
я думал, что достоинства иные,
что небом вам даны, – ничто, лишь грёзы
в сравненье с красотой, что их угрозы
её сияньем превзойти – пустые.
Но я расстался с мыслями такими,
ваш кроткий нрав всё больше узнавая:
в его сиянье нет почти отличий.
Они равны в божественном величье:
соперничать, о нет, не смогут с ними
ни нрав иной, ни красота иная.

XV

Одни – прелестный лик, иль кудри донны
своей поют, а белизну – вторые,
природой коже данную, иные —
очей прекрасных славят взор бездонный;
Не смертной красотой заворожённый,
пою я – нет, не так, как остальные:
душа и нрав благие, неземные,
дух, телом будто бы не отягчённый,
и грация, любого мановенья
изящество и легкость, – вот те силы,
что мне всегда даруют вдохновенье;
и если бы стихи подобны были
мои тем силам, с их благословенья
и статую они бы оживили.

XVI

Ах, если жить я мог бы ожиданьем!
Ах, служба донне стала бы приятной!
Но по тропе к уладам благодатной
идти запрещено моим мечтаньям.
Я знаю, что не смертью, лишь страданьем
Амур грозит мне, в силе необъятный,
какой бы мукою невероятной
он не пытал, каким бы испытаньем.
И что могу и должен делать – знаю.
И если потерплю я неудачу,
винить судьбу я буду только злую.
Но все же, донна, вам напоминаю,
что от коня и большую отдачу
вы можете иметь, его балуя.

XVII

Когда (глаза мои благословенны!)
любуюсь, донна, вами я, быстрее,
чем сокол в небе на крылах Борея,
боль исчезает вся моя – мгновенно.
Но взор лишь отведу, и непременно
печаль растёт, становится острее,
воспоминания мои, хирея
со вздохом каждым, тают постепенно.
Коль в сердце дивный образ ваш чудесно
запечатлелся бы моём навечно,
не стал бы вас томить я повсеместно.
Глядеть на вас хочу я бесконечно,
мои хоть взгляды будут неуместны.
О, сжальтесь ж надо мной простосердечно!

XVIII

Косуля та, завидуют которой
столь многие, любима нежно тою,
кто, высшею сияя красотою,
царит в сердцах невозмутимой корой.
Но сражена была стрелою скорой
её косуля, и, томясь тоскою,
мадонна приказала упокою
отметить место памятником споро.
Но ждёт меня ли милость и услада
вознагражденья, коли за служенье
косуле даже явлена награда?
Вы далеко, но сердце – в предвкушенье:
ведь чувствуется после снегопада
последнего конец зимы княженья.

XIX

Мадонна, что вдали от вас быть – трудно,
не думал я, но раз увидев нежный
ваш взгляд, душою понял я мятежной,
сколь мысль моя была та безрассудна.
С тех пор, как я забылся беспробудно,
горя желанием любви безбрежной,
без вас томится сердце неизбежной
тоской, и боль растет в нем поминутно.
Разлука – яд, приносит мне мученья:
не знаю, как же быть нам друг без друга,
а встречи – краткое лишь облегченье.
Со смертного одра поднять – услуга
сомнительна больному, коль леченье
вслед не последует его недуга.

XX

Укрыто было солнце покрывалом,
что распростерлось надо всей землёю.
шумели ветры лиственной мглюю,
и гром гремел в азарте небывалом.
Боялся я, но и под снежным шквалом
готовился бороться с быстриную
что сына солнца погребла волною,
сражённого молниеносным жалом.
Но вдруг мне засиял с другого берега
очей прекрасных ваших свет, слова я,
Леандром словно став тогда, услышал.
И из-за туч лик солнца светлый вышел,
смирила гнев стихия роковая,
и в небе разлилась благая нега.

XXI

Вот здесь связали волосы златые
меня и здесь я был смертельно ранен.
И день, что для меня был столь нежданен,
вы помните, дома и мостовые;
такое было празднество впервые,
и каждый был блаженством отуманен;
не так справляли брак, что был желанен
Юпитеру, во времена иные.
Вы знаете, кто здесь меня пленила,
пронзив мне сердце, но вам неизвестно
о гибели моей и воскресенье,
о том, что донна душу мне чудесно
свою дала, мою как поднесенье
приняв, и в жизни нас соединила.

XXII

Я чувствую, когда люблюсь вами,
чей образ в сердце высечен Амуром,
подобно превосходнейшим скульптурам,
что душу мне любви сжигает пламя.
И, вашими пленённый чудесами,
двум голосам, как будто трубадурам,
то радостным внимаю, то понурым
я сердцем: – Верь и следуй за мечтами!
Ведь коль горит душа, то запыляет,
в ответ другая, божеству подвластна,
хоть лёд её пока что покрывает.
Но в то же время страх всегда пугает:
– Скажи мне, если в чувствах вы согласны,
зачем она тобой пренебрегает?

XXIII

О, как мне верить, что ты внимлешь, Боже,
моим молитвам, редким и холодным,
ведь знаешь, что молю о неугодном,
что к радости не будет сердце строже?
Что я тебе противлюсь, то – негоже,
но помоги от чувств мне стать свободным,
пока меня к пределам безысходным
Харон не переправил, в царство дрожи.
Прости же мне, Господь, мои услады,
из-за которых впал я в заблужденье,
не видя меж добром и злом преграды.
Простить просящего о снисхожденье,
и люди могут, но от мрака ада
лишь Ты способен дать освобожденье.

XXIV

О, вздохи, сердца страстные призывы,
о, слёзы, что с трудом я днём скрываю,
о, просьбы, что бесплодно рассыпаю,
о, стоны, повод чей – несправедливый;
о, мыслей неуёмные порывы,
желанье, что никак не обуздаю,
Амур, надеждам чьим себя вверяю,
то близким, то далёким, терпеливо;
когда-нибудь смогу ль освободиться
от вас я, или будете вы вечно
со мной, от вас давно уставшим, рядом?
Не знаю я, но вижу ясным взглядом,
что – в том любовь виновна – бесконечно
сердечное страданье будет длиться.

XXV

Мадонна, вы прекрасны, столь прекрасны,
что в мире нет вам равной красотой;
и две звезды, сиянье чье святое
всегда мне путь указывают ясный,
и нежные уста с их речью страстной,
и волосы, с такою простотою
которыми, как сетью золотою,
Амур меня опутал сладострастный,
и алебастровые грудь и шея,
и руки тонкие – в вас всё прелестно,
чудесны вы, и всем известно это;
но всё же дерзко я сказать посмею,
что только, может, более чудесна,
чем ваша красота, любовь поэта.

XXVI

Счастливая рука и труд блаженный,
блаженный шелк, блаженнейшее золото
и благородный лён – богиней взяты
моей как образец вы совершенный,
чтоб сшить наряд, который бы бесценный
мой мир, моё сокровище богато
украсил, что на земли султаната
иль Индии не променял бы я священной.
Вы счастливы; я счастлив буду тоже,
коль чувствами, делами и словами
любви явлю я образец ей вечной.
Как вознесётся славою над вами
она, когда со мною будет схожа
и в верности, и в нежности сердечной!

XXVII

Те ль это волосы, златые сети,
что, собраны в косу ли, иль ветрами
развеяны, иль лентой, жемчугами
украшены, всегда стремлюсь воспеть я?
Кто допустил, что были пряди эти
разлучены с прекрасными чертами
лица прекраснейшего, кто руками
их разлучил, о, кто за то в ответе?
Врач неучёный! Разве он иное
не мог лечение придумать, пряди
не состригать чтоб эти золотые?
Но, может, Феба то желанье злое,
сурового, не склонного к пощаде:
свои он кудри защищал густые.

XXVIII

Из мрамора какого ль, из слоновой
какой ли кости, или из металла,
из янтаря ли, или из кристалла,
из дерева ли редкого какого,
какой творец сумеет образцово
создать сосуд, чтоб донны в нём лежала
прядь золотых волос и не пытало
чтоб их воспоминанье столь сурово?
Ведь вспоминая о прекрасном лице,
и о глазах, нежнейших в мирозданье,
и о губах, что цвета земляники,
они не смогут утолить страданье
разлуки, словно кудри Береники,
чьё ночью среди звёзд мы зрим блистанье.

XXIX

О локонах златых как часто, много
я думаю, состриженных напрасно,
не по нужде, не по велению бога,
у той, что так нежна и так прекрасна.
Но только слёзы горю – не подмога,
и гневом я в душе пылаю страстно,
желая наказать те руки строго,
что были золото состричь согласны.
И не накажешь ты, Амур, их коли,
позор – тебе: обрѣк за преступленья
Вакх Фракии царя печальной доле;
а ты, сильнейший, терпишь оскорбленья
такие, будто не имея воли,
и не разишь врага без сожаленья.

XXX

Лишь для меня ночью темнотою
наполнен светлый, ясный, день наставший.
всем радостно, а я, от слез уставший,
лишь образ донны вижу пред собою,
которая суровою и злою
болезнью мучается – как, уставшей
от жара, тяжело ей, жертвой ставшей
той доброй милости, что стала злою,
что в небе Прометей, помочь желая
людскому племени, добыл обманом.
Тогда Юпитер, гневом весь пылая,
за то, что был обманут он титаном,
призвал страдания, и, небо застилая,
явились те несчастий ураганом.

XXXI

В пустой надежде коль на милость годы
я потерял все лучшие, бумагу
истратив, написав страданий сагу
своих и красоте великой оды,
и коли до сих пор не видны всходы
ростков любви её, к чему лить влагу
стихов? – не приведут меня ко благу
плоды моей печальной несвободы.
Итак, молчанье лучше песен, донны,
нет пользы в них! Другим мои печали —
источник развлечения бездонный.
Но тех, кто с Фаларидом схожи стали,
мне жаль: за суд жестокий, незаконный
его огню в его ж быке предали.

XXXII

Увы, и счастье знает увяданье!
Как спал я сладко ночью, безмятежно,
когда не знал, насколько власть безбрежна
любви, когда не ведал горечи страданья;
теперь, не в силах прекратить рыданья,
от слёз я просыпаюсь неизбежно,
но сердца жар не остудить: прилежно
любовь огню в груди дает питанье.
О, страсть любви, безумье! О, свобода,
что не ценил я прежде, без которой
не будет и в богатстве жизнь – в угоду.
Свобода мне всегда была опорой,
любовь грозит ей и сулит невзгону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.